

and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Юлия Комиссарова

Ворожба

$$A \pm B \cos \theta = \frac{V_1 - V_2}{2} \cos \theta = f$$
$$\frac{\pi}{2} \leq \theta \leq \pi$$

region
 x and π , $x, y = 5$
 $= A + B \cos \pi$
 $\pi \leq \theta \leq \pi$
 $= A - B$

$\cos \pi = -1$

Юлия Фёдоровна Комиссарова

Ворожба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41862626

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10654-3

Аннотация

Юной девушке все время снится один и тот же сон. В нем старец просит ее вернуться в места детства. В надежде снова обрести спокойствие, она отправляется в деревню. Сначала все ей кажется легкой прогулкой, но позднее водоворот событий вовлекает ее в нечто ужасное, где на фоне ожившей легенды в деревне начинают происходить страшные события.

Есть в Дмитриевском р-не Курской области село Ворожба. Название свое оно получило не случайно. В старые времена здесь жил, как говорят старожилы: «Колдун на колдуне, ведьмак на ведьмаке», но сейчас село совсем опустело, молодежь переехала в город, дома то пустуют, а то и вовсе развалились. Местных жителей осталось раз, два, да обчелся.

Добраться до него совсем не просто, да и мало кому придет в голову направляться в незнакомое село, которого и на карте то нет. Известно о нем лишь тем, кто там родился. Остальные же, услышав это название, только приподнимают плечи и говорят: «Не слышали».

В семьях царит строгий патриархат. Девушек отдавали замуж только за того жениха, на которого укажет отец, и никто не мог его ослушаться. Некоторые мужья вели себя до того странно и деспотично, что в порыве злости могли бросить острую лопату с собственных детей. Успели увернуться – хорошо, а не успели – что ж поделаешь. Да и жены в основном молчали и не смели ослушаться и в одиночестве тихонько плакали о своей судьбе. Правда находились и такие жены, которые, не смотря на все порядки, поступали только исходя из собственного характера. Бывали и такие, что мужьям отпор давали, а некоторые так и избавлялись от них незаметно, если уж совсем житья не было. Разводы были крайне редки и были не в почете, а вот вдовой остаться, это уже совсем другое дело. Вот некоторые по пять раз замуж и выходили. Про мужей кто спросит, отвечает, то в чану с самогонкой

утопился, то в бане угорел, а то и вовсе грибами отравился. Большинство делали это из корыстных побуждений. Не нужно говорить, что здесь, как и в любой другой деревне не было рабочих мест и царило повальное пьянство. Самая почетная должность была пастух.

Летом то еще полбеды, транспорт из города ходит один раз в день, да и то на табличке крупный населенный пункт указан, а путь автобуса лежит через это самое село. Местные давно уж это прознали. Однако транспорт стал туда ходить совсем недавно, а еще в незапамятные времена люди отправлялись за покупками в город только по большим праздникам. Отец – глава семьи, сажал на телегу ребятишек, их было в каждой семье по три-четыре, и вез в город. Сладкого никто в глаза не видывал, местные родители не очень-то баловали своих отпрысков, и дети лишь на праздник получали купленный в городе ароматный калач, о котором мечтали весь год. Одежду покупать, и вовсе было не принято, считая это напрасно потраченными деньгами. Вместо этого, вещи передавались соседям, если своим детям одежда уже не налезала и лежала без дела, ну, а если уж хотелось совсем чего-то оригинального, то «новомодные» брюки и платья шились из ненужных старых вещей, которые перепарывали, обильно нагружая новый шедевр совершенно нелепыми вставками, которые ну никак сюда не шли. Нужно заметить, что особым чувством вкуса в одежде здесь никто не блистал, да и не старался. Зачем спрашивается, если в люди

выходишь раз в год. А ежели дорогу снегом заметет, то пиши пропало. Нужно будет в селе ночевать. Хорошо если свой дом там есть, а если ты человек приезжий, то никто и не пустит, хоть на морозе замерзай. Народ здесь не приветливый, да злобный. Завидуют все друг другу, хотя и нечему. Такой тут уклад. Дома самые, что ни на есть обыкновенные. Большинство в плохом состоянии и обмазаны глиной с соломой, да побелены. При первом же взгляде на село создается впечатление, что жителей в этой местности совсем не много, да и как иначе, если дети стремятся скорее уехать в город, а их родители продолжают влачить здесь свое жалкое существование. Не думайте, что они вынуждены там жить, так как их дети не позвали с собой, напротив, им очень нравится здешняя жизнь и если спросить любого из местных жителей нравятся ли им здесь, они, не задумываясь, ответят, причем, совершенно искренне, что Ворожба – лучшее место на Земле, хотя за пределы своего села многие за всю свою жизнь ни разу не выезжали. Возможно, их пугает новое место с новыми обычаями, ведь местное население не признает любого другого уклада кроме своего, а мириться с порядками города никто не хочет. В городе селяне будут в меньшинстве, и им волей неволей придется подстраиваться под жизнь города. Нельзя уже будет выйти посреди улицы и крикнуть, что есть мочи своей знакомой на соседней стороне улицы:

– Семеновна!!!!

– Аюшки!

– Ты моркву посадила?!!!

– Не! Дюжа дел много и семян нема!

– Чаго, Нюра?!!!

– Я бачу семян нема!!!

Согласитесь, это будет более чем странно, а многие городские жители про себя подумают: «Вот жлобье то понаехало, весь город уже заполонили». Хотя находятся и те, кто, переехав в город, продолжают вести себя по-сельски, сразу привлекая к себе внимание, завоевывая статус хама. Поэтому многие стараются жить там, где родились, а если кому-то удавалось выехать на выходной в город, то по возвращении на вопросы односельчан: «Ну, как там, в городе то?» нагло заявляли с надменностью в глазах: «Да что там этот город! Большая деревня!» и с одной стороны с ними можно отчасти согласиться, так как все жители близлежащих сел и деревень давно уже переехали в город, а городских жителей становится все меньше. Деревни завоевывают города и навязывают свой уклад, как только они оказываются в большинстве, оставшимся городским жителям приходится совсем туго. Приезжие ненавидят городских. На работу местным путь закрыт, так как деревенские жители, ворвавшись в город, сразу пытаются найти работу, да не простую, а получше, чтобы и деньги хорошие получать и не делать ничего. Спрашиваете, как эти малограмотные люди могут устроиться на хорошие должности, где нужно только высшее образование с опытом работы в данной области? Да очень просто! Приехав

в город у них полно знакомых руководителей предприятий (эти места давно захвачены сельскими жителями) и начинают проситься им помочь с работой. Работодатель сразу узнает в поведении родственную душу, видит сельскую прописку, которая особенно тепло греет его душу и, понимая, как чудесно он сработается с человеком его уклада, с удовольствием принимает на хорошую должность субъекта с девятью классами образования, а то и вовсе без них, а городскому жителю с высшим образованием и опытом работы откажет. Вот и получается, что приезжие занимают руководящие посты, причем ничего не стараясь сделать для развития города и, совершенно ничего не понимая в выполняемой работе. Их девиз – «Дайте мне работу, а там куда вывезет, по головам пойду, никого не пожалею, а стану на место своего же работодателя» (если вдруг он городской) или заместителем у своего родного сельского. Потому и добиваются всего, а городские жители ввиду своего воспитания достаточно стеснительны, не уверены, часто задаются вопросом: «А достоин ли я? Справлюсь ли я?». Вот и приходится городским с образованием работать или дворником или вообще без работы сидеть.

Это конечно касается только простых провинциальных городов, как мой, в котором я живу, в столице возможностей намного больше, да только не каждый горожанин способен решиться на такие заработки. Там ведь тоже где-то жить надо. Вот и сидят в своем же городе без работы.

Кто в город из молодежи вырвался (особенно молодые мужчины) тут же стараются найти себе девушку городскую, чтобы обосноваться тут окончательно. Причем никто из сельских жителей этого и не скрывает и не считает зазорным. Тут такой уклад, что мамы, с малых лет, воспитывая своих сыновей, вбивают в головы своих детей, что они самые лучшие на свете и красивее их никого нет, ни одна девушка не достойна ее сына. Говорят: «Езжай, сыночек, в город, найдешь там себе какую-нибудь, лишь бы в городе зацепиться, а там живи с кем хочешь. Она еще тебе всю жизнь в ноги должна падать, что ты на нее внимания обратил. Бабья, как собак нерезаных, а ты один такой уникальный», хотя ни кожей, ни рожей, мягко говоря, сынок не вышел. Зато с детства у него врожденное самомнение. Про девушек местных и говорить нечего. С малых лет, начиная с двенадцати, направляются в города и ведут разгульный образ жизни, забеременеют от жителя городского, пока он так сказать не опомнился, заявляют, что теперь он должен жениться. Это их метод миграции в города. Как правило, девушки эти верностью в браке никогда не отличались и, находясь замужем, продолжали встречаться с сельскими.

Это раньше деревенские жители ходили не по моде, а сейчас в любой самой забитой деревне местная молодежь одевается лучше городских, причем у каждого есть телефон последней модели. Остается только удивляться, как им удается в отсутствии работы в сельской местности позволять себе

такую роскошь.

Тут правда есть несколько вариантов. Их родители целые сутки, с раннего утра и до позднего вечера работают на огороде. Уходят с земельного участка, только если уже невозможно различить в темноте, где что посажено. Местная молодежь и близко к огороду не подходит. Это раньше в старые времена детей семья рожала как можно больше только для того, чтобы было кому работать на огороде, а теперь молодежь только катается на мотоциклах, пьет и курит (это начинается, как правило, с походом в первый класс и не дай бог в сельскую школу приведут ребенка из города, его морально уничтожат и будут смеяться, так как ребенок не такой, как все, не курит и не пьет). Еще молодежь любит собираться в сельских клубах, называемых на местном жаргоне «диска́чей» (если такового нет, то отправляются в соседнюю деревню, где он есть).

Вот и приходится родителям сутками на огороде работать, да за хозяйством ходить. Тут ведь и куры, и овцы, и корова, свиньи, гуси, а у зажиточных, так еще и лошадь. Вы спросите, что за выгода от нее, ну прокатишься пару раз по полю и все, ан нет, тут, если лошадь есть считай бизнес пошел. Как начинается сезон работ на огороде, это к весне ближе, всем селянам перед посадкой надо землю подготовить – перепахать, вот тут, как раз, и идут к тому, у кого лошадь есть и за деньги соседям оказывают сие услуги, а если уж еще и поскородить нужно (избавить огород от больших камней), то

тут уже плата отдельная. Вот за сезон и скопят денег, а тут еще мясо продадут вот и деньги, чтобы побаловать любимых «деток».

В стародавние времена почетной должностью считалось быть пастухом (сиди, да присматривай за скотом), а сейчас времена изменились и самая почетная должность в деревне это учитель. Обычно если муж директор сельской школы, то его жена также работает там учительницей, причем они вдвоем берут по пять или шесть предметов (не важно, что у них другой профиль). Можно и немецкий язык взять преподавать. «А что?» – рассуждают они. «Нас в школе учили и мы уж, кое-как да научим». Отсюда и полное незнание иностранного языка в сельских образовательных учреждениях. В сельских школах учат только немецкому языку, так как сегодняшним учителям в старые времена преподавали его настоящие профессионалы своего дела, прошедшие войну. Жаль, что они плохо его усвоили. Их дети в современных сельских школах учатся у своих же родителей. Как правило, им дозволено все и не один преподаватель, боясь за свое рабочее место, не посмеет поставить плохую оценку, даже если она заслуженная. Вот и выходят эти дети с красными аттестатами, не прилагая для этого никаких усилий. А ежели директор с женой кого не взлюбят из соседей – пиши пропало. Их ребенка в школе со свету сживут, будут оценки занижать, да дураком выставляять и говорить, что он умственно отсталый, хоть из кожи вон лезь, а красного атте-

стата не видать. Вот все сельчане и кланяются им, чтобы не дай бог на них не обозлились. Носят им подарки всякие. У всех ведь дети в их школу ходят. Потому эта семья живет достаточно зажиточно. Остальные, кто не имеет лошадь, не является сельским директором школы и не ворует (местные жители срезают электрические провода и сдают их в городе как металл), также занимаются собирательством по оврагам ненужных вещей из алюминия или меди, простое железо не в почете. Чтобы заработать хоть сколько-нибудь нормальные деньги, железо нужно сдавать тоннами, а машина большая редкость, и его обходят стороной, самый дорогой металл – медь, но, как правило, встречается на свалке редко, так как тут же подбирается предыдущими посетителями. На одно и то же место принято ходить по нескольку раз в надежде, что остальные что-то пропустили и именно им попадется желанный металл, а также регулярно проверяя «новые поступления товара». За кило меди дают двадцать пять рублей. Это настоящая удача, так как на эти деньги можно купить хлеб и масло подсолнечное самое дешевое, есть вареную постную картошку и тушеную капусту, больше нет сил. Основной металл, еще встречающийся на свалке это алюминий, он больше всего пользуется спросом. Найти его вполне возможно и за килограмм дают по пятнадцать рублей, про железо, и говорить нечего, за него дают по двадцать копеек за кило. Уже что-то. В основном жители находят от трех до пяти килограммов металла в месяц. Так и живут.

Магазин один, да и то не блещет ассортиментом и расположен достаточно далеко, поэтому туда ходят, только если пришли за серьезной покупкой – целой буханкой хлеба, а не четвертинкой. Многим здесь дают продукты в долг, понимая тяжелое материальное положение. В каждом сельском магазине есть тетрадь, где расписаны все должники. Не отдавать долги не выгодно, так как в следующий раз просто не дадут продукты в долг и можно в прямом смысле умереть с голоду. Вы спросите, наверное, как можно умереть с голоду имея овощи с огорода. Я вам отвечу, что весь урожай с огромного участка в отсутствии других продуктов съедается за два три месяца, а потом начинается голод. Многие семьи тайком ходят на местную свалку и подбирают побитый морозом сморщенный картофель, выброшенный другими селянами. Да и свой урожай поедается не с охоткой, без хлеба, так как это дефицит, все овощи готовятся на воде, и каждый день есть вареную капусту и картофель становится тошнотворным. Но, не смотря на все отвращение, глотают. Вскоре заканчивается и это. И тогда идут занимать хлеб в долг. Бывает и такое, что на праздник бывает один только суп, а иногда вся семья ест несколько дней подряд только семечки из тыквы (их обычно в избытке), так как все остальное давно съедено.

Основная масса жителей недружелюбна, при разговоре с соседом каждый слушает только себя, а когда начинают говорить другие, не скрывая, отворачиваются, смотрят куда угод-

но, но только не на говорящего и только и думают: «Поскорее бы она закончила рассказ, и я снова приступила бы к своим. Ведь мои новости важные, а ее – скукота» (так считают все).

Бывает если уж соседи совсем друг друга не взлюбят, начинают козни строить, да пакостить. Колдуют тут с давних времен почти все местные жители. Бывает городских всеми силами выжить пытаются. Могут под порог и башмак наколдованный подбросить. Тут, главное, его в руки не брать, а палочкой какой за пределы своего двора откинуть.

Население суеверно очень. Вот если пойдут куда, и кошка черная дорогу перейдет, обходят это место за три квартала, а ежели по делу кто пойдет, и кто-то с пустым ведром встретится – все, можно разворачиваться и идти обратно – толку не будет. Проверено.

Раз в год проезжает по деревенской дороге машина с арбузами. Местные жители меняют на них свой картофель. Семена арбузов почему-то у местных жителей никогда не всходили, а если и вошло что, то урожая не было. Соседи, завидев машину, бросаются со всех ног в подвалы за картофелем. Меняя два мешка картофеля на мешок арбузов. Конечно, это не выгодно, но все были очень рады проезжающей машине и, закупившись впрок, бежали звать соседей, чтобы они передали своим и так вся деревня стояла у машины с арбузами. Кому же хочется ехать в город, когда все привезли. На это и рассчитывают продавцы. Еще каждое утро в семь утра проезжает машина с хлебом. Люди караулят ее у окон,

чтобы не пропустить. Хлеб здесь дороже, чем в магазине, но у кого есть деньги – берут, так как в противном случае придется идти за ним в соседняя деревню, а путь не близкий, к тому же здесь он свежий.

Бывает еще, приезжает машина и скупает картофель у местного населения, причем за деньги (они обычно редко у кого водятся из местных, на них можно позволить купить себе дешевое подсолнечное масло с плавающей жирной мухой и в таре из майонезной банки, причем не мытой, и тогда картофель и капуста перестанут быть такими противными). Люди мчатся сломя голову и отдают последний урожай, причем по крайне не выгодному для себя курсу. Торговцы дают за кило картофеля восемьдесят копеек, при условии, что на тот момент на рынке, по самой минимальной цене он стоил два с половиной рубля. Население знает, что цена на картофель занижена, но все равно соглашается его продавать, так как в противном случае придется продолжать есть свою вареную капусту, которая давно уже никому не лезла в горло, а здесь появлялась возможность побаловать себя жареной. Это был просто праздник – жареный картофель и капуста! Не вареные, без соли, а именно жареные.

И это все в современное время. А что уж говорить про стародавние времена. Сейчас у многих в деревнях есть и телевизоры, и холодильники, а у некоторых и спутниковая тарелка. А раньше деревня была крайне отсталой. Если в города приходили цивилизация и прогресс, то в деревни они

появлялись с большим опозданием, что уж говорить про самый дальние, особенно те, к которым нет даже дороги.

Первый луч цивилизации в деревнях был в виде появления радио. Только самые богатые селяне могли себе это позволить. Ночи напролет они слушали все спектакли и все, что там только передавали. Было очень интересно, так как ничего другого не было. Уроки в давние времена дети делали под горящей лучиной, перейти на свет от электрической лампочки было очень не просто, им казалось, что она светит слишком ярко, слепит глаза и тяжело смотреть в книгу.

Как то вечером глава семьи принес в дом радио. В доме по обыкновению находились и другие люди, соседи и другие знакомые, которые приходили рассказывать сплетни и собирать новые, причем этим занимались как женщины, так с не меньшей охотой и мужчины. Подумать бы, ну кому интересно, что Тамара понесла сумку, а из нее батон торчал и два хлеба. К чему бы это? Может гости у нее, значит, дети приехали, наверное, и так далее. Так сплетни и создавались. Или кому из городских жителей интересно, что Шура сказала, что и полы помыла и дом подмела, и курам зерна насыпала. Это не интересно всем кроме жителей деревень. Им всегда интересно кто, что сказал, куда пошел и что сделал. Это и выдает их в основном в городе. Они всегда суют нос не в свои дела и интересуются всем тем, что их не касается и касаться не должно. Так и живут из поколения в поколение.

И вот в доме появился странный предмет с названием

«Радио». Хозяин дома вставил вилку в розетку и из странного предмета зазвенел громкий голос. Вся семья была очень удивлена новой диковинке и с интересом рассматривала предмет, пытаясь крутить все ручки и наблюдать, что будет. Но не все были столь смелы, в комнате находились и достаточно темные жители деревни. Одна из соседок от страха забилась даже под лавку и отказывалась вылезать, пока хозяева не выключат эту адскую машину. Теперь читатель имеет представление об укладе жизни в этом населенном районе.

В деревнях и селах есть праздник, который не отмечают в городах, да и ничего там о нем и не слышали. Зато в сельской местности этот праздник считается самым главным событием деревни. Он называется Престольный праздник или в народе «Престол». В каждой деревне его отмечают в разные дни и месяцы, нет единой даты для всех. История этого праздника такова.

Считается он народно-христианским. Ранее имел другие названия: «съезжий» (в особенности из-за того, что на это событие съезжались все родственники из города и других деревень). В стародавние времена в этот праздник нужно было проводить крестный ход и окроплять все имеющиеся дома святой водой. Заранее прибравшись в доме и накрыв стол вкусными угощениями, хозяева дома принимались ждать гостей. Далее была трапеза за общим столом, гулянья, а также проводилась шумная и веселая ярмарка. Есть еще версия, что Престольный праздник имел также и другое название

«Водосвятие». Так он назывался в первой четверти двадцатого века. Престол, также как и Пасха являлся одним из главнейших праздников в году и его отмечали во всех деревнях с особым шиком. В этот день нужно обязательно угощать любого, кто постучится в дом – и соседа, и просто прохожего, и нищего. У каждой деревни свой отдельный день для празднования этого события. В этот праздник любому гостю были рады или хотя бы делали вид, что рады и пытались напоить и накормить от всей души и чистого сердца.

Позднее многие традиции были утеряны. В двадцать первом веке в селе Ворожба при праздновании Престола сохранились лишь традиции убирать дом к празднику (этот праздник здесь проходит летом), гнать самогон и отмечать его в узком семейном кругу с друзьями. Правда, алкоголики из соседних деревень прознав о празднике всегда врывались в дома к городским жителям, если таковой все же поселялся в этой местности с требованиями их напоить-накормить, причем людей, которые видели их впервые. И хозяйева дома с натянутыми улыбками сажают за стол бродяг и мечтают, чтобы они поскорее ушли. А сельские жители (не смотря на то, что это в первую очередь их праздник) и вовсе не откроют ему дверь, впуская только своих соседей и знакомых из соседних деревень. Так же, как и в стародавние времена, родители ждут детей из города в гости. Обычно в этот день приезжая из города молодежь, оказавшись в родной среде, ударяется в пьянство. После застолья подвыпившие детки сби-

ваются в стаи и шатаются по деревне в поисках приключений всю ночь. Родители успевают увидеть своих долгожданных отпрысков только в момент их приезда.

Так в один из домов приехал на этот праздник некий Алексей, называемый своими товарищами просто Лехой. Ему, как и его друзьям около девятнадцати лет. Ведет, как и все его товарищи, разгульный образ жизни. Веселый и голубоглазый парень, который пользовался у девушек большой популярностью. Любит веселиться и не думать о последствиях. Местная молодежь стремится получить образование в городе и как-то там закрепиться, лучше всего через женитьбу, но пока что ему об этом думать рано и предпочитает банально прожигать жизнь.

– Привет, ма.

– Здравствуй, сыночек любимый, сколько же я тебя не видела, совсем большой стал.

– Да только в том месяце приезжал же на выходные.

– Все равно вырос. Ой, дай хоть на тебя погляжу, какой ты стал. Дай хоть тебя обниму, родной мой сыночка.

– Да отстань, ма, соседи еще увидят.

– А пусть видят, ко мне сыночка приехал.

– Все, ма, я пошел, а то Саня с Митюхой запозорят. Они приехали уже?

– Приехали. Я давече видала шли по тропинке.

– Ништяк. Все, я пошел, ма.

– Так подожди ж сыночек, я ж тебя не видела давно, давай

хоть за столом посидим.

– Потом. Мне еще к Антохе зайти надо.

И пошел в сторону соседей. Мать тяжело вздохнула, но промолчала. Она воспитывала сына одна и слишком его избаловала. Вот и соглашается со всеми его выходками и всегда его оправдывает. Надо заметить, что пока эта компания (Леха, Саня, Митюха и Антоха) в деревне, все жители мечтают, чтобы они поскорее уехали, так думают все кроме их родителей, для которых они золотые и если хоть кто-то скажет плохо об их сыночках, любому глаза повыцарапают. Все об этом знают и предпочитают помалкивать. Любит эта компания и провода срезать со столбов, вся деревня сидит без электричества по их вине по несколько дней, то избыют кого, то магазин сельский ограбят и никто их не присмирит, да и как, если местный милиционер отец одного из этой компании, а именно Антохи.

Леха свернул на тропинку и быстро оказался у дома товарища. Звонков в сельских домах нет, и все местные жители знают, что стучать нужно не в дверь, а в окошко, так как в дверь обычно стучит только Администрация. Чтобы не напугать соседа он так и сделал, стукнув пару раз в окошко.

На этот стук тут же на крыльцо выбежал Антоха с новым телефоном.

– Здорово, Леха! Прикинь, какую трубу я себе достал? Речь идет о смартфоне последней модели.

– Ни фиги себе! Откуда?

– Да есть места – и хитро заулыбался.

– Слушай, Антох, а во сколько сегодня с пацанами собираться будем?

– Давай в восемь, потом еще и на дискачу зайдем, там еще туснем. У меня еще с прошлого раза башка трещит... Что было! Я так набухался, а потом в соседней деревне под стогом проснулся, даже не сразу понял, где я.

– Ха, ну че в восемь у тебя, я пойду Сане и Митюхе передам, все равно к ним иду.

– Давай, Леха, пока.

– Пока, Антох.

Вечером друзья собрались в условленном месте. Нужно заметить, что были уже изрядно выпившими. Громко смеясь, компания решила продолжить веселье в сельском клубе.

– Сань, ну че, как ты ваще? – интересовался Алексей.

– Да, шоколадно. Степуху вчера получил, сегодня, правда, уже на нулях, но зато как же круто я на тех выходных на дискаче потусил! Ваще! Тусняк был реальный!

– Ни фига себе! Круто! Слушай, курнуть не будет?

– Да бери. Мне отец сегодня только купил, – и достал полную пачку сигарет.

– Везет тебе! А я от мамки уже какой день сигареты прячу.

– Ну, че? Сегодня там все съехались, улёт будет полный. Сколько там время, Сань? – произнес Антон.

– Десять уже.

– Вот блин, надо идти скорей, а то наша тусня разбрестись

может, нам же еще час идти где-то.

– Ага. А давайте вот тут через лесок срежем. За полчаса на месте будем, – предложил Алексей.

– А че, нормально. А маньяков не боишься? – решил подшутить Антон

– Ночь на дворе. Уууууууууу! – он расправил пальцы и поднял руки, запугивая Алексея.

– А че нам бояться то? Это нас пусть все боятся. Мы с вами спяну чего только учудить не можем, – смеясь, сказал Алексей.

– Ваще наш пацан, Лех, – он слегка пнул товарища кулаком в плечо.

– Ну, че, пойдем уже? – торопил Митя.

– Давай, Митюха, а то до утра тут простоим.

И компания свернула в лес.

Нужно сказать, что место это очень древнее. Сейчас за лесом только поле и овраги. Но кое-где торчат из земли древние кресты. Когда-то в стародавние времена здесь располагалось кладбище. Оно настолько древнее, что существовала здесь еще до славянской культуры. Захоронения велись на нем, начиная с язычества. Сейчас это место могут показать только сторожили села,

так как человек не здешний, никогда не определит его по торчащему из земли

краю дощечки, покрытой луговой травой и уж точно не поймет, что это крест.

Таких дощечек, торчащих из земли, на этом месте совсем не много, лишь это выдает здесь древнее захоронение. При взгляде со стороны кажется, что это просто поросший травой луг. Местные не очень-то любят это место и обходят стороной. Молодежь не была столь суеверна. Многие просто ничего не знали о нем, а те, кто знал, не придавали этому никакого значения.

Выйдя из леса, компания решила срезать через луг.

– Санек, а ты слышал, что тут раньше кладбище было? – спросил Митя.

– А кто это тебе сказал?

– Да бабка моя, говорит тут еще спокон веку оно, а теперь травой поросло.

– А я все время думал, что в нашем селе только одно кладбище, то, что новое, за поворотом, а оказывается их два тут.

– Ага. Мне бабка и не то рассказывала. Ну что страшно? – рассмеялся Митя.

– Отстань, Митюх.

Вся компания громко загоготала и продолжила обсуждения самых важных для себя тем. Неожиданно Алексей споткнулся. Все засмеялись и начали говорить, что выпил он совсем немного (по местным меркам, много – это когда его уже несут), а ноги уже не держат. Алексей разозлился и со злости с силой ударил по деревянному суку, что торчал из земли. Странный сук был ничем иным, как деревянным осиновым колом, торчащим из земли, его вбили сюда очень много лет

назад, судя по состоянию дерева. Он был так хорошо вкопан, что ему пришлось серьезно потрудиться, прежде чем выбить его.

– Вот кто-то старался. Не вытащишь! А толстый-то какой! – приговаривал Алексей.

Сначала он расшатывал его руками, а потом продолжил выбивать его ногой.

Через некоторое время кол поддался.

– Больше не будет на дороге мешаться нормальным пацанам.

Кол отбросили в сторону. Он покатился в пыль, а сила, запертая там, проснулась. Друзей окутал жуткий холод, хотя на дворе было лето. Они не обратили на это никакого внимания, думая, что это все «из-за перепоя», и двинулись дальше, весело смеясь. Компания прошла мимо, а могильная земля задрожала.

Над кладбищем собрались тяжелые тучи. Ветер начал рвать листву с деревьев, по полю. От сильного ветра покатились легкие предметы (ветки и сухая полевая трава). Птицы умолкли, лишь порывы ветра протяжно завывали в темноте. Заморосил холодный дождь. Его капли впивались в древнее захоронение, как – будто выполняя просьбу мертвых – пить.

В деревне попадали иконы. Местные знали, что это дурной знак. Свет в домах моргнул, и ударила молния. Тяжелый вздох раздался из-под земли.

После клуба они разбрелись под утро по домам. Родители

не обращали внимания на их внешний вид, они давно уже к этому привыкли, да и ругать своих детей за что-либо, здесь было не принято, оттого и росли тут будущие бандиты.

Дома обстановка была достаточно спокойной. Жители по-прежнему занимались заботами по дому, а скот мирно пасся на поле.

Под вечер в дом к маме Андрея пришла соседка. Она была встревожена и чем-то напугана.

– Здравствуй, Зина, – произнесла соседка.

– Здравствуй, Нюра. Что ты такая взъерошенная. Случилось че?

– Да не спокойно на душе, Зинаида. Давече сон видала, с тех пор и покоя нет.

– А что за сон то?

– Приснилось, что дома я одна и никого нет из моих: ни мужа, ни Антошеньки моего. Чувствую, холодно мне. Стою я в пустой комнате, мебели вот совсем нема, окно раскрыто и ветерок только занавеску трепет. И стою я и мою полы в этой комнате. Так весь сон и промыла.

– Да... Не хороший сон, ох, не хороший... У меня у знакомой моей такой сон приснился, так у нее муж умер.

– Ой, батюшки! Я ж теперь за мужа переживать буду. Он у меня уже, как год болеет, хоть бы не случилось чего.

– Да может и обойдется, Нюра, даст бог. Эх, у тебя хоть муж есть, а я своего Алешеньку все одна воспитываю.

– Да, тяжело тебе пришлось, Зинаида.

Зина грустно отвела глаза в сторону.

– А тут еще вчера икона упала. Я в сѣнцах (холодном коридоре) была. Слышу грохот. Прихожу, а она на полу лежит. Я ее подняла и обратно под рушник повесила.

– Как?! У тебя тоже икона упала?! – удивилась Зина.

– И у тебя выходит.

– А во сколько?

– Да часов может в двенадцать где-то. Мне еще не спалось. Да и как тут уснешь. Алешка мой уйдет, а у меня и сердце не на месте. Не натворил бы чего. А то сколько раз за ним уже участковый наш приходил.

– Ой, не говори... Мой ведь, тоже паразит такой, тоже что угодно учудить может. Опять же друг твоему Леше.

– Ладно. Пойду я, а то стемнело быстро, а мне еще надо на огороде капусту пролить.

– Хорошо, Нюра, до завтра.

– До завтра, Зинаида.

И соседка вернулась в свой дом, а Зина осталась наедине со своими мыслями.

На следующий день Алексей снова вернулся под утро.

– Сыночек, – обратилась к нему Зинаида.

– Что, ма?

– Я сегодня с вечера ухожу к соседке. Ты меня не жди, спать ложись, а дверь я сама открою, ключ с собой возьму.

– Ладно.

Настал вечер. Мать захлопнула дверь и пошла к соседке.

Алексей остался один.

– Надо сейчас Митюхе позвонить, а то скукота полная, – подумал Алексей и начал шарить по карманам в поисках телефона, однако его там не было.

– Неужели в клубе с перепоею посеял? – недоумевал он.

Вдруг пошел дождь, да такой сильный, что выходить из дома не было никакого смысла.

– Мамка теперь точно не скоро придет, теперь будет ждать, пока дождь закончится.

Вдруг он заметил свой телефон на подоконнике. В небольшое сельское окно бились тяжелые капли.

– Чего это он там делает? Я ж его никогда туда не клал, – удивился Алексей.

Он подошел и потянулся за телефоном, как что-то будто заставило взглянуть его в окно. За палисадником стояла жительница села и с состраданием и сочувствием смотрела прямо на Алексея. На ней была вязаная кофта, а на вид ей было около семидесяти восьми лет. Он знал всех жителей своей родной деревни и многих из соседних сел, но ее видел впервые. Дождь все лил, а она будто не замечая его, продолжала стоять и смотреть на окно.

Не зная от чего, холод пробежал по его телу, но оторваться от окна он уже не мог, будто какая-то сила велела стоять и смотреть. Неожиданно его повело к входной двери. Он повиновался, открыл дверь и вышел на крыльцо.

– Что же вы на дождю-то стоите? Домой бы шли, – сказал

ей Алексей.

Она только продолжала внимательно и с сочувствием смотреть на него. Через несколько секунд она произнесла:

– Здравствуй, сыночек, ты меня не узнал?

– Нет. А откуда вы меня знаете?

– Да как же мне тебя не знать, Алешенька. Я тебя уже давно жду, сыночек. Я зайду, может, дождь у тебя пережду?

В мыслях он хотел отказать ей, но вместо этого он медленно указал ей на вход, приглашая войти, она шла следом. Было чувство, что он попал под сильный гипноз, но ничего не мог с собой поделать. Они прошли в зал, там же была и спальня Алексея.

Старуха достала из кармана фартука связку старых полубогоревших свечей.

– Вот, расставь, милоч.

Алексей повиновался.

– А теперь спать ложись, – произнесла старуха, пристально глядя ему в глаза.

Алексей лег на кровать, а руки сами скрестились у него на груди.

– Спи спокойно, Алешенька, – произнесла старуха и исчезла, а дождь все продолжал бить в окно...

Тем временем Зинаида собралась уходить.

– Ну, я пойду наверно, Варь, а то Алеша один, да и темно уже.

– Да куда ж ты в такой ливень пойдешь. Вот дождь закон-

чится и пойдешь. Ничего с твоим Алешей не случится. Он сама знаешь, какой баламут, сам кому хошь голову открутит.

– И то верно.

Дождь закончился только на следующее утро, и Зина осталась ночевать у соседки, которая жила в соседней деревне. В сельской местности принято называть соседями всех знакомых людей из всех близлежащих деревень.

Утром, оказавшись у своего дома, она заметила, что входная дверь открыта.

– Неужто Алешка с друзьями до того, напились, что забыли двери закрыть? – недоумевала она.

– Сыночка! Я пришла! Я у соседки заночевала, а то дождь лил сильный, ты спишь еще?!

Но ответа не последовало.

Она прошла в зал и увидела жуткое зрелище: на кровати лежал ее мертвый сын с соединенными ладонями, как у покойника, вокруг догорали свечи, а на лбу был выжжен странный символ. Он представлял собой прямую линию, от которой с двух сторон под углом сорок пять градусов расходились в стороны две линии поменьше. Будто лапа куриной ноги, если можно так выразиться в данном случае.

Она несколько секунд молчала, оторопев от увиденного, а потом из ее горла раздался рев отчаяния:

– АААААААААА!!!!!! Сыночек!!!!!! Любимый!!!!!!!!!!!!!!

Весть о гибели Андрея быстро разнеслась по поселку.

Многие шептались, и каждый излагал свою версию случившегося.

Через несколько дней товарищи собрались вновь, но уже в поредевшей компании.

– Сань, слышал что с Лехой случилось? Говорят он с собой покончил типа, а ты че думаешь? Я лично в это не верю. Ты помнишь, он всегда самый веселый из нас всех был, да и все нормально у него было. Мы бы точно заметили.

– Да я тоже не верю в это. Как то нелепо. Ладно, пацаны, давайте выпьем за нашего Леху.

И все выпили, не чокаясь.

После ночных посиделок за местным клубом все разбрелись по домам. Саня пошел старой проторенной дорогой мимо лесополосы и поля. Скоро наступили сумерки. Эта компания никогда не боялась ходить в столь позднее время, так как обычно боялись не они, а их.

Александр почувствовал, как легкий вечерний ветер пролетел над полем и золотые колосья затрепетали.

Неожиданно он ощутил дрожь. Саня невольно опустил глаза и взглянул на свои ботинки, а подняв, увидел перед собой старушку, которая стояла на дороге с сомкнутыми перед собой ладонями, голова ее была наклонена на бок, на голове повязан платок. Одета она была в вязаную кофту и фартук. Ее волосы были седые, а глаза с сочувствием смотрели на идущего.

Он хотел было пройти мимо нее, но старушка заговорила:

– Здравствуй, Санюшка.

– Здрасьте. А вы знаете меня? Я вас нет. Вы с соседней деревни, наверное.

– Да нет, сыночек, я с этой. Я тебя уже здесь давно жду.

– А че вы меня ждете. Мне мамка ничего не говорила передавать вроде.

– Да это я, сыночек, тебе передать хотела. Вот возьми, унучек, – и протянула ему старую веревку.

– Ба, дай пройти, некогда мне.

Но тут она перегородила ему дорогу и посмотрела в глаза. В них вспыхнул зловещий огонь. В этот момент с Александром что-то произошло, и он послушно взял веревку и пошел за ней по полю на старую мельницу.

Войдя внутрь, он подошел к торчащему из стены брусу, встал на ящик, лежащий неподалеку, накинул веревку себе на шею и, затянув петлю, спрыгнул с ящика.

Утром жители нашли его бездыханное тело. Как и в прошлый раз все списали на самоубийство, а его мать никак не могла прекратить рыдания.

Через несколько дней после случившегося Антон и Митя снова собрались вечером вместе. Оба были, изрядно выпивши, и много курили.

– Митюх, странно, как-то все это: сначала Леха, потом Саня. Ты прикинь, вся эта байда происходить стала после того, как мы по кладбищу тому прогулялись. И странно они погибли как-то, один, за одним. Связь не видишь?

– Да не, ты че? Совсем уже с катушек слетел.

– А я уже и за нас с тобой париться стал. Стремно как-то. А тут еще мне после смерти Лехи каждый день сны стали странные сниться. Я про них никому не говорил.

– А че за сны то?

– Все время снится, что я с собой кончаю: то приснилось, что зарезали меня, то, что под машину бросился, вчера – что с девятого этажа общаги технарской скинулся, а сегодня, что в своей хате на проводе от лампочки повесился. Мамка такая еще заходит, увидела, как я вишу, вскрикнула и за сердце схватилась, и я проснулся. Я во сне даже кричал от ужаса.

– Да не, фигня все, не заморачивайся. Ты просто сильно впечатлительный, вот тебе что зря и снится. Отвлекись как-нибудь.

– Постараюсь.

– Ладно, Антох, я наверно пойду, а то ко мне моя Ленка приехать должна. Ты со мной?

– Да не, я еще немного тут постою, подумаю.

– О чем ты думать собрался?

– О жизни.

– Знаю я, как ты думать будешь. Сейчас еще пару стаканов намахнешь и сигареткой затянешься, философ блин.

Нужно заметить, что Антон именно это и собирался делать. Вскоре друзья разошлись. По степной тропинке Митя шел в приподнятом настроении, размышлял об этом разговоре и посмеивался над Антоном.

Вечерело. Митя брел старой проверенной дорогой в свою деревню между посадкой и полем. За мельницей располагался старый заброшенный колодец.

Он шел по тропе, изредка поглядывая на мельницу, на которой совсем недавно повесился его товарищ. Невольно по телу пробежала дрожь.

Вдруг он стал спотыкаться на ровном месте, снова и снова.

– Что за чертовщина? – удивлялся Митя.

В очередной раз споткнувшись, он упал в пыль. Пытаясь подняться с земли и, оторвав глаза от пыльной дороги, первое, что он увидел, были старые истоптанные лапти на чьих-то ногах. Он медленно приподнял голову и понял, что оказался в ногах у старой сельской жительницы.

– Здорово, бабуш, а я тебя и не заметил.

– Здравствуй, сыночек, – проговорила она.

– А ты как тут?

– Я поводу на колодец иду.

– На тот, что ль? Так там уже воды как сто лет нету. Вы что, не знаете что ли? Об этом тут все знают, даже я, – произнес он, указав на старый колодец за мельницей.

Старуха хитро улыбнулась и сказала:

– Есть там водица. Я и сама напьюсь и тебя, сыночек, вдоволь напою. Пойдем со мной, родимый.

При этих словах она пристально взглянула ему в глаза и взяла за руку. Он повиновался и, молча, пошел с ней. Его мозг был затуманен, мысли путались, а в голове звучал толь-

ко ее голос. Подойдя к старому высохшему колодцу, она остановилась, а Митя двигался все ближе. Вот он залез на его край, стал во весь рост, обернулся на старушку и с прощальным и обреченным взглядом посмотрел на нее. Она одобрительно еле заметно кивнула, и Митя спрыгнул в колодец.

Долго искали его, да только никаких результатов поиски не давали, стали думать даже, что из дому ушел. Такое бывало уже не раз. Но в один из дней пастух случайно обнаружил его тело на дне колодца. Опознать его было уже трудно, но по некоторым вещам в нем можно было определить пропавшего. Родители его не знали с тех пор покоя и утопали в слезах, до только ничего нельзя было уже изменить...

Антон воспринял вести о гибели Мити с ужасом. Паника охватила его. Больше не оставалось сомнений. Теперь он точно знал, что происходит что-то страшное, возможно какое-то проклятие преследует их четверку и остался в живых только он один. Надолго ли? Антон понял, что шутки закончились и теперь смеяться будет уже не он, как было всегда, когда он с приятелями грабил сельский магазин, и отбирал пенсии у старушек. Он так развлекался. Мысленно он стал прокручивать в голове цепь событий. Что случилось до того, как все стали гибнуть? Вдруг он вспомнил, как все они шли, посмеиваясь, по старому погосту и выбили какой-то кол, и как резко налетели тучи, и ударила молния. Он никогда не был суеверным, но в данном случае приходится рассматривать все варианты, даже самые нелепые.

– Я понял..., – шептал он будто в бреду.

– Это все из-за того кладбища. Именно тогда все и началось. Все мы умрем. Умрем. Скоро. Спасения нет.

Казалось, сознание его помутилось, а на лице выступила испарина.

– ААААА! – крикнул он в отчаянии из своей комнаты и заплакал.

На шум прибежала мать.

– Что ты сыночек? Что случилось?

– Уже не спастись, не спастись. Она и за мной придет..., – шептал он, забившись в угол стены у кровати.

– Кто, Антошенька? Сыночек, успокойся, я знаю, ты из-за друзей переживаешь, вот и на нервной почве и срыва у тебя. Пройдет сыночек.

– Не пройдет. Уже поздно.

И опрометью выскочил за дверь.

– Куда ты, сыночка? Антоша?

Но ответа не последовало, лишь громко хлопнула дверь. Антом со всех ног бежал на кладбище, на котором они выбили злополучный кол. В спешке он стал искать то место, но осинового кола поблизости не было. Наконец он обнаружил тот бугорок, поросший травой. И тут его охватил жуткий страх: на месте, где когда-то стелилась сухая степная трава, появилась выжженная надпись: «И воскресну я, если будет принесена мне жертва от избавителей моих».

Опустившись на колени рядом, он долго не мог прийти в

себя, а потом медленно поплелся домой, с трудом передвигая ноги.

Казалось, он лишился рассудка. Вид его был потерянным и обреченным, а от прежнего веселого и задорного Антона не осталось и следа. Тяжелые мысли мертвым грузом опустились на него и давили, не давая дышать.

Дойдя до дома, он прошел мимо матери, будто не замечая ее, и упал без сил на кровать. Мать, молча, смотрела на все происходящее и поняла, что ее сын лишился рассудка из-за переживаний по погибшим друзьям.

Несколько дней Антон отказывался от еды, только иногда пил воду. Тяжелые мысли не покидали его, а рассудок становился все безумнее. Все основное время он молчал, а иногда бормотал себе под нос что-то вроде: «Она придет. Уже скоро! Скоро!».

В один из вечеров, которые теперь ничем не отличались друг от друга, Антон долго не мог заснуть и сидел на кровати, скрестив руки на груди, глубоко задумавшись. Легкая вечерняя пелена завладела комнатой, придавая странные очертания давно знакомым предметам. Медленно он перевел взгляд на стену, а после, вновь посмотрев перед собой, ему явилось нечто странное. В середине комнаты стояла старуха в вязаной кофте и платке, а в руках ее была какая-то древняя сума. Мороз пробежал по телу Антона.

– Это Вы... Вы пришли..., – еле слышно прошептал он.

– Пришла, Антошенька.

– С моими друзьями, это вы сделали? Все из-за кладбища?

– А-а, ты про Лешеньку. Да. Я, но он сам виноват, да и ты скоро к нему отправишься, сыночек. Скучаешь поди?

– Скучаю, – холодно произнес Антон.

– А хочешь, я тебе его покажу? Вот же он, унучек мой любимый. Это он меня спас, правда, пришлось ему за это жертву принести, но ведь как без нее.

Старуха достала из мешка череп и показала Антону. Им овладел ужас, сама мысль о том, что это голова его товарища бросила его в холод.

– Уберите! – крикнул он.

– Воля твоя, сыночек, – сказала она, и череп в ее руках охватило пламя, прогорев, он рассыпался в пепел.

Горстка пепла разлетелась по полу.

– Ты, наверное, спать хочешь, притомился поди. Ложись спать сыночка, ложись.

Произнеся эти слова, она подошла к его кровати.

– Давай я тебя одеялкой накрою, а то ты вон как дрожишь.

Антон повиновался. Она укрыла его одеялом, подоткнув края, и поправила подушку. Затем достала из своей сумы солону и деревянную лучину и положила ему под подушку.

– Вот тебе соломку под головку, чтобы мягче спать было, а вот тебе лучина. Как холодно станет, огонь разведешь, да согреешься. Видишь, как бабушка о тебе заботиться.

– А соломой только подушки в гроб набивают, – набравшись смелости, сказал Антон.

– Разве? А я на такой подушечке уж сколько лет проспала. Ты спи сыночка, спи, давай я тебе колыбельную спою.

Антону от этих слов стало не по себе, но он не смог больше произнести ни слова.

Наклонившись поближе к его уху, она начала что-то шептать, текст был на старославянском, но разобрать можно было следующее:

под осиновым кустом, под ракитою немой
ты поди на старый двор за соломкой с берестой
разожги лучиной пламя
да согрей детяток малых.

После этих слов она медленно направилась к двери. Она перед ней распахнулась. Старуха стала в проем и исчезла, а дверь сама по себе за ней затворилась.

Антон долго не мог прийти в себя. Пот тек по его лицу, а сердце бешено колотилось.

– Почему она меня не тронула? – задавался вопросом он.

Затем он вспомнил, что под подушкой его лежит солома и деревянная лучина.

Он с силой выдернул эти предметы и швырнул в центр комнаты.

Через несколько часов размышлений, расслабившись от пережитого ужаса, его потянуло в сон. Глаза слипались, а веки все тяжелели. Антон укрылся повыше одеялом и задремал, иногда, вода взглядом по комнате в поисках старухи, но, не обнаружив ее, успокаивался и продолжал дремать.

Сквозь пелену сна он почувствовал сильную боль в желудке, проснувшись, пытался понять почему, но не находил ответа. Приподняв корпус с подушки, он стал чувствовать острую боль во всех внутренних органах. Все горело внутри. Антон хотел было вскочить с кровать в поисках обезболивающего, но тут, будто чьи-то руки прижала его ноги к кровати и не давали с нее слезть. Ужас охватил его. Неожиданно он почувствовал запах гари.

– Что это? Дом горит что ли? Откуда эта гарь? – задавался вопросом он.

Вдруг комнату заполнил едкий дым, будто от огромного кострища. Дым стал щипать в его глазах. Кашляя и задыхаясь от дыма, он заметил на своем одеяле и простыне языки пламени, которые становились все больше. Вскоре огонь полностью охватил его кровать, но выбраться он не мог. Пламя полностью охватило Антона. Дома никого не было, и на его крики никто не пришел. Наверное, старуха специально выбрала время для визита.

Утром его обгоревшее тело было обнаружено его матерью Нюрой. Ее опасения и странный сон были не случайностью. Только это коснулось не ее мужа, а сына, чего она никак не могла ожидать. Сгорело все, кроме металлической кровати, которую в дальнейшем выбросили.

Что могу сказать о себе? Девушка двадцати пяти лет, худощавая, с длинными волосами русого цвета и зелеными глазами. Я родилась в этом городе, в котором живу сейчас, но

часть своего детства я прожила в деревне...

Обычный провинциальный город, как и многие города России. Зимой дороги не чистят вообще, и пешеходам приходится лезть по сугробам на тротуаре. Мне даже кажется, что в приоритете здесь не пешеходы, а водители. Главное, так сказать лишь бы машинам хорошо было. На центральной улице иногда все же проезжают снегоуборочные машины и сваливают весь снег на тротуары. Ничего, что теперь путь для пешеходов отрезан. Они умудряются вытоптать узкую колею, плохо, когда толпа идет на встречу. Люди останавливаются, прыгают с тропинки в снег, пропуская встречных, а потом снова продолжают свой путь, выйдя на тропу. Ноги жутко буксуют в снегу, под которым толстой коркой лежит лед. Для того, чтобы добраться до работы мне приходится идти две остановки, сначала до маршрутки, так как водители не считают нужным останавливаться на моей и с наглым видом проезжают, разгоняя скорость. Каждое утро до работы превращается в ад. Преодолев длинный маршрут по нечищенной колее, предстоит ехать еще сорок минут на транспорте (обычно лицом к стеклу, так как утренние маршрутки заполнены до отказа, особенно зимой). Вымерзнув на остановке, люди заскакивают в первую попавшуюся. Я мечтаю, когда же закончится эта ненавистная зима и я, наконец, почувствую под ногами твердый устойчивый асфальт, и не буду перемерзать на остановках и лечиться от гриппа и ушибов после падения на скользкий лед. Мне часто хочется взять паяльную

лампу и весь его растопить. С работой тоже дела обстоят, мягко говоря, не хорошо. Сельские жители давно заняли все должности, и пробиться городским куда-либо практически не возможно. Вот и приходится после института идти только в дворники за семь тысяч рублей. Больше свободных вакансий в городе нет. Средняя зарплата составляет восемь тысяч и мне крупно повезло, когда я, имея за плечами два высших образования и аспирантуру, а также десять лет стажа, смогла устроиться в частную фирму за пятнадцать тысяч рублей. Я искала работу год, а тут нашла и на такие деньги. По местным меркам это много, хотя цены на продукты и коммунальные услуги давно уже перевалили столичные. Правда рано я начала радоваться, выяснилось, что за эти деньги я буду работать на всех должностях, начиная от начальника отдела кадров, инженера, секретаря, заместителя директора, начальника отдела, швейцара и курьера. В общем, в этой фирме без вывески и опознавательных знаков только один сотрудник – это я. Но больше идти некуда, вот и радуюсь этому. Хорошо, что за коммунальные услуги мы всей семьей сбрасываемся вместе. В этом зимнем месяце счет пришел на восемь тысяч рублей и четыре из них только за отопление. А если бы у меня была зарплата, как у большинства людей этого города в восемь тысяч и жила я одна, то давно умерла бы с голоду. Поехать куда-либо отдохнуть в отпуск многие не могут себе позволить. Только если тур по деревням Курской области, в который и бесплатно не поедешь. Хотела ли

я уехать? Конечно. Несколько раз собирала документы для поиска работы в других Российских городах, но, посчитав затраты на съем жилья, понимала, что выйдет то же что и здесь и ничего я не выгадаю и продолжала поиски работы в своем городе. Обычно про то, чтобы найти работу по специальности не может быть и речи. Вакансий нет. В нескольких местах мне сказали – можете больше сюда не приходить, в ближайшие сто лет вакансий не будет. И они правы. На их места придут их дети, а затем внуки...

А сейчас я расскажу, как попала в деревню.

Моя мама коренной житель города, а папа – из деревни. Все было прекрасно: отличная семья, достаток, но тут папа захотел вернуться на Родину... Меня никто и не спрашивал – хочу ли я уезжать. Меня просто забрали родители и привезли туда – в Курскую область, Дмитриевский район, поселок Ворожба... Мама, конечно, потом сильно разочаровалась в переезде и жизни ожидающей нас там, но было уже поздно. Чего там только не было: безработица, слезы и много чего другого. Хорошо, что сейчас мы смогли снова вернуться в город. Я живу в нашей квартире одна, а родители купили небольшую дачу и переехали туда. Сейчас, когда я начинаю грустить, вспоминая ужасную жизнь в той деревне и лишения. Мама, видя мою грусть, пытается подбодрить меня, сказав, что, зато это хорошая школа жизни, но лучше бы этой школы никогда в моей жизни не было. Эта школа жизни сильно искалечила мою психику. Пока я жила там были даже мысли о

самоубийстве, хорошо, что я этого не сделала. Я стала озлобленной и жестокой. Иногда я сама ужасаюсь, глядя на себя. Так вышло, что увезли меня туда в девять лет, а вернулась я обратно в город в восемнадцать. Правда, в глубоком детстве меня возили туда родители к бабушке с дедушкой, но этого я почти не помню. Вот и получилось, что все свое отрочество и юность я провела там, окончив школу, которую ненавидела. Директор сельской школы и его жена захватили все предметы и были там королями. Все кланялись им, боясь, что их детям могут испортить аттестат, но только не мы, за что они нас и не взлюбили и я, круглая отличница с грамотами в городской школе, получила аттестат сельской школы с четверками. Но мне было все равно, лишь бы поскорее ее закончить, а дальше оказалось еще хуже. Учиться в своем родном городе денег не было (откуда, если бывали в деревне дни, когда мы питались только семечками из подсолнуха) и пришлось ехать учиться в местный районный центр, где процветали все самые низкие и разложившиеся устои общества. Я ненавидела это место, хотела несколько раз бросить, но родители отговорили меня. Куда пойти учиться выбора не стояло. Там было единственное учебное заведение, готовившее землеустроителей. Я получила ненавистное образование. Мне не нравится все, что связано с землей, чертежами и координатами. По натуре я полная противоположность. Творческая личность. Мне нравится писать стихи, кстати, именно они помогли мне в самые тяжелые времена. Все переживания я

не душила в себе, а выплескивала на бумагу. Нравится рисовать и делать различные поделки, а еще мне очень нравится вязать. Со мной всегда рядом клубок ниток и спицы и я стараюсь, как только находится свободная минутка скорее приступить к работе. Все мои новые друзья знают о моих увлечениях и поддерживают меня во всех моих творческих начинаниях. С одноклассниками я не общаюсь и никогда не захочу их видеть, не то, что идти на слет выпускников. Характер у меня достаточно бунтарский, но иногда я бываю очень исполнительницей и послушной.

Каждый свой день я провожу по одинаковому и распланированному расписанию. Рано утром я ухожу на работу. Нужно заметить, что работаю я инженером в мелкой строительной фирме. Вечером вернувшись, готовлю ужин, делаю немного работы по дому и приступаю к своим любимым занятиям, обычно это либо вязание, либо чтение. Читать я очень люблю. Мои шкафы ломаются от книг, и я продолжаю покупать новые. С нетерпением я жду пятницу и мечтаю о ней всю рабочую неделю. Иногда мне кажется, как было бы здорово, если бы я с самого начала пошла учиться по специальности выбранной душой, тогда все было бы иначе. Я бы занималась любимым делом, с радостью бы вставала утром и отправлялась на работу, полная идей и новых проектов, чтобы поскорее их там воплотить и работа не стала бы мне тогда казаться добровольным рабством, а превратилась бы в настоящий праздник. Человек, занимающийся любимым де-

лом, есть человек счастливый и только он может принести огромный вклад и развитие своим делом, реализовать себя, улучшить мир вокруг себя, да и государство в целом, а если человек ходит на работу, как на пытку и мечтает поскорее вернуться домой, то и ничего он не привнесет. Жаль, что большинство людей не могут себе позволить учиться там, где хотели бы. Эти учебные заведения находятся либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге. Жить там и учиться не представляется для многих возможным, в том числе и из-за низкого уровня достатка, а их филиала в провинциальных городах нет, вот и вынуждены проходить обучение и развиваться в изначально ненавистных профессиях, зная, что работать в этой сфере будет невыносимо для себя. Почему же не может быть все просто: я хочу к примеру стать кинооператором, поступаю на бюджет в своем городе, получаю профессию и иду работать по любимой специальности, даря радость вокруг и делая мир лучше и добрее, так как счастье имеет свойство делать мир светлее, а вместо этого я иду в единственно бесплатный техникум или, еще того хуже, училище и получаю единственную имеющуюся в этом учебном заведении специальность, к примеру – землеустроитель. Сейчас, хочу обратиться к школьникам старших классов, если у вас есть материальная возможность, идите в то учебное заведение, которое выбрало сердце. Поступая на ненавистный факультет, мы думаем: вот отучусь, поработаю немного и поступлю учиться туда, куда всегда мечтала, а на деле выходит так,

что девушка с утонченной натурой по специальности землеустроитель-геодезист теперь всю жизнь проведет в обществе сельских алкоголиков, совершенно не пригодных для общения и совместной работы. Выйдя на работу, ты продолжаешь думать о своей мечте, а этот круг уже поглотил тебя, никуда больше, кроме земельной сферы ты не устроишься, денег так и не заработала, зарплаты хватает едва не умереть с голоду, а жизнь проходит... Потом не замечаешь, как тебе уже пятьдесят, проработала всю жизнь в землеустройстве, понимаешь, что свою мечту нужно оставить, а жизнь прошла стороной и сейчас я потеряла к ней интерес, у меня нет мечты, желаний и стремлений, я просто каждый день на автомате хожу на ненавистную работу и уже ничему не радуюсь, не чувствую и не ощущаю... Жизнь проходит, а ты все чертишь ненавистные чертежи...

Сегодня долгожданный выходной и я могу, наконец, посвятить время своему хобби, только оно меня успокаивает и слегка возвращает к жизни. Также по выходным ко мне приходят мои малочисленные друзья, и я люблю гулять с ними по тихим городским улочкам с высокими деревьями. Так я отдыхаю душой. Могу подумать об искусстве, да и самой жизни.

Вечером в субботу, дочитав книгу, я легла спать. Мой мозг не был занят размышлениями о работе, так как впереди был еще один спасительный день, и мое сознание погрузилось в свободное плавание. Я не люблю, когда мне снятся

сны, они заставляют меня переживать, и из-за этого я просыпаюсь уставшей и разбитой. Намного приятнее, когда не снится ничего вообще. Лет пять назад мне снились кошмарные сны, сюжет которых впору изображать в фильмах ужасов, а сейчас иногда снится мелкий бред, вызванный моими переживаниями о работе. Правда эта ночь была особенной. Приснившийся в ночь с субботы на воскресенье сон не давал мне покоя, и не отпускал меня на протяжении всего дня. Суть его была такова.

Ночь. Я стою на пустынной остановке, и нет ни одного транспортного средства. Я не узнаю ничего вокруг, темно, светит фонарь, но я чувствую, что мне срочно нужно доехать до дома. Неожиданно их темноты появляется силуэт автобуса с горящим светом внутри. Особенно мне запомнилась табличка с маршрутом «Курск-Ворожба», такого маршрута не существует. Ворожба – это ведь село, в котором я провела свое детство. Почему я во сне вспомнила о нем. Возможно очень глубоко в моем сознании остались сильные переживания, которые и сейчас не дают мне покоя. Так этот автобус останавливается на остановке около меня, я захожу в него и еду. Меня во сне сразу удивило и насторожило то, что кроме меня в автобусе никого нет. Я начала различать в окне черты моего дома и стала у дверей на выход, но автобус вместо этого со скоростью промчался мимо и не остановился. Я пошла к водителю, чтобы попросить его остановить, хотя бы на следующей остановке.

– Водитель!

Нет ответа.

– Водитель!! Мне на следующей остановите!

Но он будто был занят своими мыслями и не обращал на меня никакого внимания. Тогда я подошла к нему. Он был одет в кожаную куртку и толстовку с капюшоном на голове. Я похлопала его рукой по плечу, на что он повернул ко мне свое лицо и, во сне я закричала от ужаса. Передо мной оказалось не лицо, а обглоданный череп. Автобус с табличкой «Курск-Ворожба» увозит меня во тьму, а за рулем череп в капюшоне.

Я проснулась с криком и долго не могла прийти в себя.

– Ну и бредятина по приснится! – бубнила я себе под нос, недовольно ходя по комнате.

–Что за день сегодня?

Пытаясь отвлечься, я решила включить телевизор. По новостям рассказывали, что сегодня отмечают праздник Ивана Купалы. Я слышала о нем, но никакого участия никогда не принимала.

Сейчас его отмечают седьмого июля. Организуются выезды в древние города, где люди прыгают через костер, плетут венки, да и вспоминают свои корни. Древние славяне наделяли этот праздник особым почетом. Раньше его отмечали двадцать четвертого июня. Праздник Ивана Купалы у древних славян – праздник, относящийся к летнему солнцестоянию. Из всех участников празднества, избирали «урядника»,

занимающегося приготовлениями и непосредственно самим проведением праздника. Урядник или старейшина зачитывал заклинания необходимые для обряда. Сам Иван Купала начинался всегда так: девушки утром собирали различные растения, плели венки, а также запасались травами-оберегами. К ним относилась: полынь, крапива и зверобой. Это заготавливали для всех участвующих. Обереги-растения всегда закреплялись на поясе.

Я обычно никогда не задумывалась об этом дне, и что он значил для славян. Сейчас все больше отмечают День святого Валентина, а о своих исконно-русских корнях стали забывать, а зря... Я стала размышлять об этом только сейчас, когда в моей жизни произошло полное переосмысление, но обо всем по порядку.

Сегодня вечером я, после проведения времени за своим любимым вязанием, легла спать с предстоящими мыслями о завтрашнем рабочем дне. На душе от этого у меня всегда не спокойно. Может быть, от этого мне снова приснился очень странный сон. Будто во сне я вижу мужчину с оберегами и амулетами, не стар он и не молод, волосы его белы, как снег, с длинной бородой и усами, с повязкой на голове из веревки. Одет он в длинную светлую холщевую рубаху немного ниже колен с вышивкой красными нитками на рукавах и подоле, на поясе много мешочков и оберегов, позади светлый длинный плащ с капюшоном, в руках его посох странной формы, напоминающий изогнутую корягу, и говорит мне:

– Поезжай к корням своим, в степь, да поле, дела нынче не спокойно идут, сил нету, под землей тяжелой лежать, да на лихо смотреть. Поезжай, осмотришься, да не спеши, зло оно правду чует, смотри, чтоб не пропала подобру-поздорову. Запомни руну из книги моей, она тебе светом будет.

И перед моими глазами возникла раскрытая древняя книга, а в ней все страницы, будто размыты и только один символ четко виден. Он напоминал русскую заглавную букву «П».

А дальше снова голос этого мужчины пошел:

– Перун!

На этом моменте я проснулась. Не хорошо мне стало отчего-то после этого сна. Да и голова так болела, что казалось, вот-вот расколется. Какой-то странный мужчина с оберегами и амулетами, которого я видела впервые, зовет меня вернуться в деревню, где прошло мое детство, если я все правильно поняла, да еще этот странный символ. Интересно, что он значит? И существует ли он вообще?

Собравшись, я отправилась на работу. Там дела шли из рук вон плохо. Я никак не могла сосредоточиться, а лицо этого мужчины постоянно всплывало у меня перед глазами.

– Да что сегодня за день такой! – возмущалась я.

Вечером я так и не смогла отвлечься. Присев на диван, меня стали одолевать беспокойные видения про какой-то большой костер. Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, но тут меня охватил сильный сон и я заснула.

Этот же сон приснился мне снова. Так продолжалось каж-

дую ночь. Иногда мне казалось, что я скоро сойду с ума. Я перестала отвечать на звонки, начала пить успокоительные средства, от которых мне становилось только хуже. Вот снова зазвонил телефон, и на этот раз я почему-то взяла трубку, наверное, больше не смогла держать все в себе и захотела с кем-то поделиться.

– Алло.

– Насть, привет! Я никак до тебя дозвониться не могу. Все нормально?

– Да, в целом нормально, Маш, только настроение ужасное и чувствую себя не очень как-то.

– А что с тобой?

– Да как-то голова болит сильно и слабость.

– А с чего это?

– Да я не знаю, резко как-то началось и не проходит.

– Может тебе в больницу надо?

– Нет, все нормально. А как там ты?

– Да я хорошо. Вчера с Женькой ходили на каток, так я три раза упала, и он меня все время потом на себе возил, – смеясь, сказала Маша.

– Ясно. А мне тут еще сны стали странные сниться, вернее один и тот же, – улыбнувшись, произнесла я.

– Вот странно! А какой?

– Да какой-то мужик в амулетах заставляет вернуться в деревню.

– Слушай, а может и вправду тебе съездить! Не смейся. А

что? Съездишь, отдохнешь, расслабишься, обстановку опять же сменишь. Может и мужик этот отстанет, – смеялась Маша.

– Опять смеешься? – улыбаясь, спрашивала я.

– Нет. Я на полном серьезе. Ты в отпуске давно не была, а тут как раз повод, да и лето на дворе, самое, что ни на есть подходящее время для отдыха. Только в этот раз поедешь в тур по Курской области. Ха-ха-ха.

– Тебе все весело, как я погляжу? – улыбалась я.

– Ага. Хорошо, что с тобой все нормально, а то я уже волноваться стала, не случилось ли чего. Ты в следующий раз всегда трубку бери.

– Хорошо. Мне очень приятно, что ты за меня переживаешь.

– Конечно, переживаю. Ладно. Рада, что все хорошо. Я, правда, сначала подумала, что ты настолько погрузилась в свое вязание, что забыла обо всем на свете и теперь сама не заметила, как связала коврик длиной с нашу улицу.

– Не, до этого я еще не дошла, – продолжала, улыбаясь, отвечать я.

– Это хорошо.

– Знаешь, я ведь и сама уже подумывала туда поехать после этих снов, может все это прекратиться? Может и вправду поехать?

– Да съезди! Что ты теряешь? А то, может, сны эти прекратятся. Мужик этот увидит, что поехала и отвяжется.

– Я с тобой согласна. Ну, созвонимся, пока, Маш.

– Пока.

И я повесила трубку, размышляя над нашим разговором, который еще больше убедил меня в необходимости отправиться в деревню.

На следующий день я написала заявление на отпуск, мне его с легкостью дали, так как он у меня и был запланирован примерно на этот период. Вернувшись домой, я начала собирать вещи. Брала только самое необходимое. Я планировала побыть там с недельку, не смотря на то, что мой отпуск на месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.